

[Почитать описание, отзывы и купить на сайте МИФа](#)

Пролог

Алана никогда не снимала змеиный крест надолго. Мама следила за этим, повторяя, что от амулета зависят жизнь и рассудок Аланы, и та верила: даже краткое расставание с единственным напоминанием о ее настоящих родителях всегда откликалось в ней смутным беспокойством и чем-то еще, похожим на болезненное возбуждение.

Лишь раз Алане не повезло забыть змеиный крест в деревне — и в ту ночь ей снились пугающие, непонятные кошмары, утягивавшие в глубину отчаяния и какой-то неясной ей самой сладости.

В том далеком, забытом, оставившем за собой лишь чувство смутной опасности сне привычный Алане мир был на грани уничтожения, что-то нависало над ней, почти настигало, гулом и темнотой обвиваясь вокруг всего, что она знала.

Алана неслась вперед, скользя на мокрых от росы каменных плитах дворов, цепляя юбкой ветвистый кустарник и траву, не давая себе перевести дыхание, стараясь не поддаваться отчаянию и не обращать внимания на следы разрушения места, которое, она знала, раньше было самым безопасным в мире. Это пространство, где магия витала в воздухе и творилась десятками шепчущих, казалось ей почему-то знакомым. Высокие корпуса с глухими торцами и высокими окнами по фасадам, остроконечные башни, ветвившийся по каменным стенам плющ, зеленые изгороди и галереи со стрельчатыми сводами, уютные дома для прислуги и открытые террасы, озеро, дорожки и газоны. Во сне Алана помнила их залитыми солнечным светом,

полными жизни, уютными и теплыми. Здесь она могла бы научиться быть собой...

Приют Тайного знания во сне высился над ней со всей своей монументальностью, но теперь его темные, покрытые рунами стены зияли провалами, а башни были будто обкусаны громадным зверем. Мощные дорожки тут и там взрывали широкие и глубокие трещины от ударивших по Приюту заклятий. Отзвуки страшных заговоров вибрировали под ногами, тьма разломов притягивала и пугала. Вековые деревья были выдраны с корнем, их кроны накрывали изувеченные скамейки и фонтаны. Мелькали разрушенные дома прислуги, а за ними виднелась башня, покосившаяся и осевшая, словно из ее середины вырвали кусок.

Дыхание сбивалось, и реальность сна размывалась, искореженная страхом и надеждой.

Алане казалось, что она еле касается туфлями земли, — так быстро бежала. Это был вышедший из-под контроля полет, неуловимое и неподвластное ей движение. Алану несло вперед, тянуло туда, где ее любили и где из-за этой любви должно было вот-вот произойти непоправимое.

А что-то страшное, нечеловеческое продолжало поедать все, что было ей дорого.

Но Алана могла лишь остановить схватку любимых ею и любящих ее мужчин.

Они стояли именно там, где Алана ожидала их увидеть: посреди каменной площадки, у стены, от которой вражеский заговор отбил куски камня вместе с мохнатым пологом плюща. Между приготовившимися к бою мужчинами искрился воздух. Алана влетала в эту плотную пелену, не обращая внимания на сполохи молчаливых заклятий, и останавливалась.

Пространство словно искажалось вокруг черной фигуры опаснейшего мага, громадного, как гора, хищного и пугающего, пахнущего холодным воздухом, жаром огня, тьмой и почему-то сладостью. Стоило взглянуть на него — и весь остальной мир будто замирал. Но когда Алана переводила взгляд на его противника, один вид которого отзывался в ее душе нежностью, внутренняя

пружина будто разжималась и сердце успокаивалось теплом, умиротворением и запахом пряных трав.

Алана любила их обоих, отчаянно, хоть и по-разному, и мысль о том, что один мог убить другого, драла ее на части страшнее, чем еле балансирующий на грани хаоса мир.

— Алана, скажи одно лишь слово, и я защищу тебя от него. Он внушил тебе, что подобное невозможно, но это не так, — обращался к ней таинственный шепчущий, ее родная душа. Глаза его, зеленые, как трава, искрились любовью такой искренней, что Алане было сложно смотреть в них. — Вспомни, мы уже скрывались от его взора.

— Любовь моя, тебе не нужно вставать между нами, мы разберемся сами. — В голосе темного мага звучала сталь, но за обращенным к ней взглядом таилась сбивающая с ног нежность и оглушающая страсть. — Однако если ты хочешь сохранить ему жизнь, стоит отказать прямо сейчас.

И мир рушился, рушился, рушился, все вокруг ломалось и трескалось, как не выдержавшее жара зеркало. Алана закрывала руками голову, спасаясь, и понимала, что еще немного — и...

...И Алана ощутила на груди змеиный крест, мигом очистивший ее мысли от тягостного воспоминания, оставившего за собой лишь привкус горечи где-то в глубине.

Глава 1

Двадцать восемь лет назад

Лита

Юория была еще совсем ребенком, когда ее мать, Лита, по указанию своего троюродного брата, старшего мужчины семьи Карион, взяла ее с собой на встречу. Маленькая Юория тогда

ужасно расстроилась, ведь вместо черного Обсидианового замка, о котором Лита не раз рассказывала такие захватывающие истории, что девочка считала их сказками, они ехали в Белый замок. Лита пыталась объяснить дочери, что Даор Карион назначил встречу там и тогда, где и когда ему было удобно, и что их дело — подчиниться его воле, но Юория ныла и ныла, даже когда Лита за руку провела ее через порталное окно и они оказались в месте, настолько отличном от их собственного дома. Вместо того чтобы бегать и гладить теплые белые камни, Юория крепко держалась за мамину юбку. Лишь это радовало Литу: зная брата, она предполагала, что он не остался бы в захваченном гнезде другой знатной семьи просто так. Война все еще шла, и казавшийся пустым замок вполне мог быть ее передовой.

Лита напоминала себе, что если бы ее брат хотел смерти ей и Юории, то обе они уже были бы мертвы. Никогда не сближаясь с Даором и стараясь не следить за его делами, Лита все же не могла не замечать, как неугодные черному герцогу люди умирали, исчезали, сходили с ума и убивали свои семьи. Он никогда не посвящал ее в свои замыслы, не признавал и не отрицал своей вины, но Лита была уверена, что кровь, омывавшая его руки, должна была обернуться проклятием и для Даора, и для всех, кто был ему дорог. Если ему хоть кто-то был дорог.

Ей не нравилось думать о себе как о Карион, но фамилия, герб с вороном, черный цвет преследовали ее, откликались в каждом почтительном поклоне прислуги, в лестях купцов, в страхе представителей других знатных семей, когда они обращались к Лите так, будто Даор стоит за ее спиной. Лита пыталась подчеркнуть, что вопреки всему следует пути Света. Однажды брат бросил ей мимоходом, что легко быть святой, если тебя боятся, и с тех пор Лита при нем молчала о пути милосердия и невмешательства.

Даор сказал ей не выходить замуж, пока сам не предложит кандидатуру жениха. Его устраивало, что она, шепчущая, Карион, может быть залогом успешного союза с другой знатной семьей, но подходящего ей по положению супруга он пока не нашел. Когда Лита полюбила безродного мужчину, простака без

малейшего силового потенциала, Даор предупредил ее, что связь с ним будет стоить ей и жизни, и имени. Тогда Лита еще не видела от своего брата ничего, кроме благостного равнодушия, и не приняла его слова всерьез. Она вышла замуж — и муж ее был убит на охоте взбесившимся кабаном всего через неделю после свадьбы. Уничтоженная горем, Лита пришла к Даору. Он лишь пожал плечами и напомнил, что она вольна делать что угодно до тех пор, пока не нарушает его приказов, и отправил ее обратно в Скальный замок, фактически заточив в нем.

Лита обнаружила, что беременна, не сразу. Поняв, что носит под сердцем ребенка, она скрыла этот факт ото всех, включая брата. Преданная ей служанка согласилась быть прикрытием, и женщины сделали вид, что хорошенькую черноволосую девочку родила именно она. Даор делами сестры не интересовался, и Лита уверилась, что смогла спрятать Юорию от пристального взора черных глаз.

До тех пор, пока Даор не приказал показать ему Юорию Карион. Юорию Карион — так он написал в своем письме. Лита выронила его, как только поняла, что Даор имел в виду.

Нельзя было обмануть черного герцога.

Они вошли в полуразрушенный зал. Очевидно, тот убрали совсем недавно: в воздухе витал запах сырости, которого не могло появиться там, где тлели три камина. Лита огляделась: крыша рухнула, крупные куски черепицы и перекрытий были небрежно свалены в угол, пыль — тщательно выметена. В разлом наверху проглядывало светлеющее утреннее небо. Снег не шел, каминные согревали комнату, было не очень холодно. Посреди когда-то роскошного кабинета, принадлежавшего, возможно, старшему из Вертерхардов, стоял простой стол из мореного дуба. На шершавой поверхности лежали перстни со знаком красной змеи — родовые оттиски Теренеров, которые красные герцоги жаловали служащим им шепчущим. Некоторые из колец были в крови, некоторые — раздроблены. Всего Лита насчитала не меньше двадцати штук. Было непонятно, как Даор мог всего за день добыть их все, если прибыл в Белый

замок без своей армии. Неужели он своими руками?.. Лита боялась додумать эту мысль.

Сам черный герцог сидел за столом и что-то писал. Его рабочее кресло мало походило на троны, которые так любили правители других земель, и не выглядело удобным. Рядом с ним в таком же кресле сидел невысокий молодой шепчущий. Достоинство, с которым он держался, прибавляло ему роста, но рядом с Даором юноша казался комнатной собачкой. Лита не припомнила его лица.

Юория держалась за мамину юбку и очень смущалась, стеснялась незнакомого мужчины, к которому ей велели отнестись с почтением большим, чем к кому-либо на свете. Даор был очень красив, и пространство будто искривлялось вокруг его фигуры, притягивая взгляд к холодному лицу. Юории он казался великаном: почти на две головы выше мамы, выше, наверное, всех мужчин, что она видела. Когда герцог жестом позвал маленькую Юорию к себе и она присела перед ним в своем первом настоящем реверансе, тяжелый металлический запах, исходивший от его камзола и волос, внезапно нахлынул на Литу, и она порадовалась, что дочь еще не знает этого терпкого запаха смерти.

— Меня зовут Юория, — вежливо представилась девочка и, как мама наказала, добавила: — Я рада познакомиться с вами, герцог Каор Дарион.

Какая позорная ошибка! Литу будто кипятком ошпарили, когда она увидела ответную кривую усмешку брата. Лита шикнула на дочку, выступив вперед и закрывая семилетнюю малышку юбкой. Даор посмотрел на девочку с раздражением.

— Простачка, как отец, к тому же глупа.

— Она просто волнуется, — попыталась спасти ситуацию Лита.

— Ты разбавила кровь ради того, чтобы получить вот таких, — он сделал ударение на последнем слове, — детей?

Это был страшный вопрос. Лита боялась, что сейчас Даор протянет руку — и ее девочка испустит свой последний вздох, поэтому заткнула поглубже свою уязвленную гордость и попыталась оправдаться:

— Я думала, дочка унаследует что-то от меня, и он был хорошим человеком, сильным воином...

— Неужели? До или после того, как проиграл в честном бою лесной свинье? — Не давая ей возможности ответить на это оскорбление, Даор обратился ко второму мужчине: — Как видишь, Олеар, какой бы чистой и внушительной ни была родословная, а в крови Карионов заключена могущественная магия, ее смешение с кровью простаков приводит к печальным последствиям. Моя сестра не задумалась об этом, посчитав, что любви достаточно. И теперь мы видим ее жалкого отпрыска, рожденного к тому же Карионом.

Слуга не ответил, лишь почтительно склонив голову. Лита молилась, чтобы Даор дал ей возможность уйти.

— Герцог Даор Карион. — Так она всегда к нему обращалась. Никакой фамильярности. — Его уже нет, а Юорию я привезла познакомить с вами, как вы и повелели. Можем мы теперь ехать?

«Живыми», — не договорила она, но брат ее понял. Он рассматривал мнущуюся и робко улыбающуюся ему девочку, как рассматривают лошадей, отбирая их для скачек. Даор не мог не заметить, что внешне Юория пошла в породу Карионов, унаследовав от матери густые и гладкие черные волосы, большие темные глаза, светлую как снег кожу, а значит, была похожа и на него самого.

— Зачем вы позвали их сейчас сюда? — спросил Олеар. — Мы ведь еще не всех красных нашли, вы не боитесь, что с ребенком может что-то случиться?

— Боюсь? — иронично переспросил герцог. — Нет. Смерть моей сестры и ее ребенка из семьи Карионов, здесь, от рук красных варваров, еще до начала положила бы конец кулуарным беседам о том, что мы, гостящие в Белых землях, были готовы к подобному повороту дел более других семей.

— Что, конечно, неправда? — подхватил Олеар.

— Что, конечно, неправда, — согласился герцог, передавая ему бумагу, которую не переставал писать все это время. — Это письмо нужно отослать императору.

Лита проводила свиток больными глазами.

— Там весть о нашей смерти? — решила она спросить, но Даор не удостоил ее ответом.

В этот момент в кабинет вбежал воин, одетый в черное и белое. Когда двери открылись, из галереи послышались звуки борьбы, и Лита схватила Юорию за руку, прижимая ее к себе. Слуга что-то прошептал герцогу на ухо, и тот с улыбкой кивнул. Через минуту другой воин Карионов втащил в полуразрушенный зал отчаянно упирающуюся девушку, одетую в кожаный колет красно-бурого цвета. Она кусалась, царапалась, вырывалась и рычала, как дикая кошка.

— Нашли, — отчитался слуга. — Где ее отец — не знаю, но где-то здесь. Точно прячется в замке, выйти он не мог. Их шепчущие открыты порталы обратно не успели. Вы быстро... — Слуга посмотрел на Литу и Юорию, и Лита заметила сочувствие на его иссеченном шрамами лице. — ...Отправили их на покой.

Он швырнул воительницу к ногам герцога, она тут же вскочила, вытаскивая кинжал, и бросилась на него, целясь лезвием в горло. Даор неуловимо ушел от ее удара, не поднимаясь с кресла, и миг спустя кисть девушки, державшая клинок, уже лежала на полу. Ее обладательница тихо завывала, баюкая кровоточащую культю. Даор спокойно посмотрел на кровь, залившую белые плиты, и рана девушки заросла кожей, а она уставилась на него ничего не понимающими глазами. Лита лишь мельком успела заметить острую воздушную сеть, сплетенную братом, и теперь боялась поднимать глаза от пола.

— Замолкни, — коротко обратился к пленнице герцог, а после снова повернулся к сестре. — Нет, Лита, в этом письме твое помилование. Сегодня же ты уберешься со своим щенком обратно в Скальный замок. Тебе не место здесь. И не место в моей семье.

Лита с надеждой подняла красные глаза.

— Вашей семье? — переспросила она. — Вы больше не считаете меня своей семьей?

— Ты — подстилка простака и фамилии недостойна. В девочке нет ни капли магии. Возможно, она станет Карион, если окажется полезной мне. Воспитай ее так, чтобы она это понимала. Тебя я изгоняю.

— Спасибо, спасибо, спасибо, — шептала Лита, опускаясь на колени. Юория, не понимая страха матери, присела рядом с ней. Лита положила руку на спину дочери и с радостью почувствовала, как бьется ее сердце. Полная страха ненависть к брату сменилась рвущей душу благодарностью. Они будут жить! Пощадил!

— Отослал, — доложил вернувшийся Олеар. — Когда возвращался, увидел, что рухнул периметр защиты. Красный может уйти.

— Без дочери не уйдет, — пожал плечами герцог.

Даор встал из-за стола и направился к лежащей тихо, как мышка, девушке. Она зажимала искалеченную правую руку левой, тихо постанывая, и больше не делала попыток убежать.

— Кричи, — сказал ей Даор, наклоняясь.

— Ч-что?

— Кричи. Твой отец должен тебя услышать.

— Никогда! — гордо выплюнула воительница из последних сил.

Герцог помедлил всего несколько секунд. Лита, все еще не смеявшая встать, знала: он прикидывает, как быстрее добиться желаемого. Даор мог бы, как иногда делал, нежно погладить девушку по лицу, заставляя забыть о причиненной ей боли, заглянуть в глаза, обещая что-то большее, чем все, что было в ее жизни раньше, — и она, как и сотни других до нее, рассказала бы ему все, что он хотел знать. Но ему не нужны были сведения или верность, а значит, Даор поступит иначе.

— Сфатион Теренер, твоя дочь у меня, — наполнил замок негромкий голос Даора Кариона. — Выйди сам, пока она жива.

Эхом его призыв пронесся по разрушенным галереям и потерялся в холодном воздухе. Лита не сомневалась: его было слышно в каждом домике прислуги, каждой кухне, каждом обваленном закутке. Даор дождался, пока отголоски затихнут.

Девушку подкинуло в воздух, как пушинку, и что-то в ней хрустнуло, ноги вытянулись под неестественным углом. Она заорала так громко, что Лита закрыла Юории уши, прижав дочь лицом к своему пышному платью, чтобы она не видела происходящего. Всего за минуту крик истощил воительницу,

и, когда она тряпичной куклой рухнула на пол, горло ее сипело в предсмертной агонии. Глаза Литы наполнились слезами. Ей не нужно было видеть лицо брата, чтобы удостовериться, что оно спокойно-заинтересованное. С таким выражением он обычно ждал, что добыча сама забежит в расставленные им сети.

— Пришел, — спустя всего минуту отчитался притащивший девушку воин, приоткрывая дверь. — Без оружия. Хочет поговорить. Впустить?

Даор кивнул. Садиться он, впрочем, в этот раз не стал.

Двое под руки ввели высокого седовласого мужчину, поверх бурого колета которого была намотана широкая красная лента, напомнившая Лите перевязь. Пленник бросил взгляд на тело дочери, и губы его задрожали.

— Будь ты проклят, Карион! — взревел он, вырываясь. — За что? За что? Я же здесь!

— Кто-то должен нести правосудие, — равнодушно пожал плечами черный герцог, но Лита заметила в его глазах искры ликования. — От имени императора.

Теренер подбежал к дочери. Лита еле сдержала стон, когда он приподнял ее голову и заглянул в глаза, просяще шевеля губами. Лита представила себе, какая мука, должно быть, скрывает его сердце, и закусил губу, чтобы промолчать.

Даор не стал останавливать красного герцога, равнодушно наблюдая за отцовским отчаянием.

— Она все равно должна была умереть, — спокойно сказал он. — Как и ты. Как и вы все. За то, что сделали с белыми герцогами.

— Но ты... — Сфатион еле сдерживал рыдания. Глаза его горели ненавистью. Он бросился на черного герцога, и Даор отступил с его пути; инерцией Теренера развернуло, и он ударился о подсвечник. Покатились свечи. — Ты ведь знал... Ты не был против... Я спрашивал тебя, будь ты проклят, ты и вся твоя семья!

— Сфатион Теренер, за чудовищное, — Даор усмехнулся так, что Юория, увидевшая оскал лишь краем глаза, бросилась в объятия мамы, — убийство знатной семьи я приговариваю

тебя и всех твоих поделщиков к смерти. Прими ее по возможности достойно.

— Я заберу тебя с собой! Сражайся, сразись со мной, не используя своих заговоров, что ты можешь, если не одолеешь старика?! — Сфатион потянулся к мечу над одним из каминов, и герцог снова не стал препятствовать ему, сделав и своим воинам знак не мешать. — Ты никто без...

Мгновенный точечный удар тонким лезвием в горло прервал его проклятия, и Сфатион рухнул рядом с дочерью, пустыми глазами встретившись с ее остекленевшим взглядом. Герцог Даор Карион отбросил окровавленный меч как безделушку и повернулся к обнимавшимся Лите и Юории.

— Ты еще здесь, — ровно сказал он. Дыхание его не сбилось. Лита готова была поклясться, что и пульс не поднялся.

— Вы не позволяли мне уйти, — отозвалась Лита, глядя, как красная лужа подбирается к синему атласу ее платья. — Юория, отойди, — прошептала она дочери, зачарованно глядевшей на черного герцога.

— Дозволяю.

Он обошел и ее, и Юорию, больше не достаивая их взглядом. Лита от облегчения разрыдалась, а дочь неуверенно подергала ее за рукав.

— Мама, а можно мы позовем его на мой день рождения?

Глава 2

Родовая книга

Алана

— Мама говорит, ты не выходишь замуж, потому что ты странная, — сказал Улан заносчиво. — Хотя вообще-то тебе давно пора.

«Какой все-таки избалованный мальчишка! — устало подумала Алана, внешне ничем не выдав своего раздражения. — Это

все его мать. Воспитывает Улана так, будто он император, ну или сын черного герцога, не меньше».

— Так и есть, — согласилась она, листая страницы. — Мне уже двадцать девять лет, мои дети могли бы быть твоего возраста. Но знаешь, чем хороша жизнь безымянной? Я могу быть странной, могу не хотеть замуж, могу не выходить. Большинство знатных семей связываются династическими браками. Вот ты со временем вырастешь и женишься на знатной леди. — Тут Алана немного лукавила: мастер Оливер, сам взявший в жены простачку без имени, вряд ли осудит выбор сына, если тот полюбит кого-то из прислуги или деревенских. Тем не менее она продолжила: — Вот мы не знаем, любит ли Юория Карион Вестера Вертерхарда и спросил ли ее мнения об этом черный герцог. Мы не знаем, хотел ли Вестер жениться на Юории, или же его заставили. Но что мы сегодня узнали точно, так это то, что, каким бы сильным ни был Вертерхард, своим браком он подарил черным контроль над своими землями.

— Как ты это поняла? — протянул чуть заинтересовавшийся Улан. — Он же мужчина! Может, Вестер забрал себе ее земли!

— Помнишь, что мы читали о Карионах на той неделе? — Алана привычно и терпеливо открыла страницу, над виньеткой которой был изображен герб с черным вороном. — У нее есть старший родственник, дядя. Всеми Черными землями, а они огромные, больше Зеленых раз в десять, — она широко развела руки, — распоряжается он. А как я поняла — ты мне скажи.

Улан неохотно уставился на схему.

— А почему он вообще вписан на эту страницу? Почему не... — Он с интересом пролистнул вперед, до родословной белых герцогов. — Тут Юории нет. А его имя вообще отдельно. А почему ее сюда не написали? Маму написали на страницу папы!

«Объясни моему сыну, что такое родовая книга, ему уже пора это знать, — сказал ей мастер Оливер утром. — И заодно расскажи, что означает новая запись». Хорошо же объяснять то, что сама понимаешь не до конца!

— Мы узнаем это позже, я уверена, — вздохнула Алана. — Может, он просто не внес пока изменений в свою родовую книгу, а Карионы внесли?

— Я думал, все происходит одновременно, — недовольно протянул Улан, снова теряя интерес. — Папа говорит, что все слова появляются одновременно.

— Так и есть. Родовые книги — артефакты, хранящиеся только в знатных семьях. Твоей книгу пожаловал сам император, когда Голденеры получили свое имя, и с тех пор этот том связан с остальными. Но внести изменения ты можешь только на свою страницу, и если герцог Вертерхард ничего не написал у себя...

— То и тут ничего нет, понял я. То есть я могу что-то написать на нашей странице? — оживился Улан, перебивая Алану. — Или даже нарисовать, и это у всех появится?

Алана содрогнулась, представив, что мог бы изобразить избалованный десятилетний мальчишка со всей своей детской непосредственностью. А потом еле проглотила зарождающийся хохот, когда представила, как какой-нибудь воинственный красный герцог с серьезным лицом открывает страницу Голденеров, а оттуда на него смотрит...

И все-таки дело принимало плохой оборот. Нужно будет обязательно рассказать об этом мастеру Оливеру, чтобы спрятал книгу: любой, в ком текла кровь знатной семьи, мог что угодно начертать на странице с фамилией своего рода, и Улан исключением не был. Требовалось срочно перевести тему.

— Хочешь, покажу кое-что интересное? — Алана хитро улыбнулась. — Видел когда-нибудь, как бывают защищены такие артефакты?

— Неа. Ее что, сжечь нельзя?

— Не стоит, — прохладно ответила Алана, жалея, что у Флоры не было обыкновения шлепать своего старшего сына за подобные идеи и мальчишка регулярно что-нибудь поджигал. — Зато...

Она достала чернильницу и перо и занесла руку над зеленой страницей Голденеров, прямо над кругом Улана. А затем,

обмакнув перо в чернила, размашисто дорисовала вокруг его имени кривую ромашку.

— Эй! — закричал Улан, нависнув над столом. — Ну ты и противная, ду... — Он остановился на полуслове. — Ха! Вот так тебе! — засмеялся Улан, когда желтоватая кожа втянула в себя чернила так, будто и не было никогда их на пористой поверхности. Он перевернул страницу и убедился, что чернила не протекли насквозь. — Обалдеть! А можно я что-нибудь нарисую? На нашей не буду, честно! Ну пожалуйста! Ты самая-самая любимая моя служанка будешь, если разрешишь, правда-правда, я отцу ничего не скажу! — канючил он.

Как короток путь к детскому сердцу!

— Это будет наш секрет?

— Да!

Улан открыл бледную страницу Вертерхардов, с ликованием взял в руки перо... Алана закусил губы, чтобы не рассмеяться в голос, глядя, как артефакт впитывает пошлые каракули вокруг имен Пармиса и Юджии Вертерхардов. За дверью раздались тяжелые и неспешные шаги мастера Оливера, и Алана и Улан, переглянувшись, замерли. Она отобрала у мальчика перо.

Капля чернил сорвалась с заостренного кончика и расплзлась неаккуратной кляксой в уголке белой страницы, совсем рядом с украшенной вензелем буквой «В». Алана спешно захлопнула книгу, не успев увидеть, как пропадают чернила, и в этот момент мастер Оливер уверенным движением распахнул дверь в библиотеку. Улан еле сдерживался, что не осталось незамеченным его отцом, который, внимательно посмотрев на покрасневшую Алану, подмигнул сыну. Мастер Оливер отправил Улана во двор, крепко обняв его напоследок, для чего громадному, как медведь, мужчине пришлось присесть на колено.

— Ну и что этот шельмец тут хохотал? — весело осведомился он у Аланы. — Балуется?

— Мастер Оливер, не знаю, как вам и сказать... Но вы бы держали книгу от него подальше. Боюсь, мне удалось донести

до него особенности действия артефакта, но не серьезность использования. Иначе говоря...

— Иначе говоря, — подхватил мастер Оливер, неторопливо распрямляясь, — он хочет написать на нашей странице какую-нибудь непристойность. Сам таким был, — ухмыльнулся он в бороду. — Поговорю с ним. Ты тут вряд ли его переубедишь, как бы ни старалась. Он почти никого не слушает. Это моя задача. Твоя — искать к нему подход и вбивать в его голову хоть что-то полезное. И ты отлично справляешься.

Алана в который раз поблагодарила Свет за то, что ей были посланы именно такие хозяева. Она с поклоном передала книгу мастеру Оливеру, улыбаясь себе под нос.

— И кланяться мне тут брось, надумала, — прогудел герцог, забирая фолиант из ее рук. — Знаю, Флора вас так учит. Вот ей и кланяйтесь! А мне не надо, придумали глупостей. Ну и как потом требовать, чтобы Улан тебя уважал, да и других тоже?

Уже после того, как Алана ушла, этот высокий, полный, пышущий здоровьем мужчина продолжал довольно улыбаться себе под нос: хорошо поладила мечтательная девушка с сыном! Всего за два месяца привила ему любовь к чтению! Как ни крути, молодец она, мальчишка теперь все время об их уроках говорит, все-то ему интересно стало. Оливер неторопливо провел пальцами по шершавой коже, переплетенной серебром, — вот здесь, в уголке вензеля, за умелыми штрихами его матери была скрыта нарисованная им когда-то птичка с маленькими крыльями и очень большими частями, которых у птиц быть не могло. Мама тогда ужасно разозлилась и отшлепала его при слугах, но он ни капли не раскаялся. Оливер листал книгу, не задумываясь, от конца к началу: плотно исписанная красная страница; лишь наполовину заполненная желтая; синяя с неровными и нервными штрихами и разномастными буквами; заполненная снизу вверх пурпурная; почти голая серая; коричневая, зачирканная мелким почерком

лишь на четверть; белая — его взгляд ненадолго задержался на неровной кляксе у витиеватой красной буквы древней фамилии; и наконец, черная страница, на которой имен было не больше десятка.

Глава 3

Лезвие

Олеар

— Мне не нужно там присутствовать? — осторожно спросил Олеар у черного герцога, своего наставника и господина. — Вы говорили, что Юория может поступать необдуманно, когда одна.

Дождь стучал по высоким стеклам пламенеющих стрельчатых окон кабинета. В камине, выложенном цимофаном и оттого казавшемся чуждым на фоне гладких обсидиановых стен, потрескивали поленья. Блики огня переливались на поверхности серых камней, и на пламя в этом отражении было смотреть одновременно жутко и уютно. Кроме плясавшего на дереве пламени, кабинет озарялся лишь белой сферой где-то наверху, и, хотя от стола до светящегося шара было не меньше шестнадцати футов, до потолка мягкие лучи не добирались, так он был высок, и казалось, что крышей помещению служило чернильно-черное небо.

Даор Карион сидел за простым дубовым столом и неспешно изучал письмо. Олеар обратил внимание, что раз в несколько секунд герцог проводил над кожаным листом рукой. Очевидно, послание было защищено с помощью магии. Орнамент по краю было сложно опознать, но Олеар не раз видел его на письмах красных герцогов и их приближенных. Руны, наложенные шепчущими, походили на пересечения случайных линий, начерканных в разных направлениях, но от них исходило знакомое напряжение.

— Моя племянница вздорна и имеет склонность увлекаться, — согласился герцог. — Однако вряд ли ей хватит глупости нарушить прямой мой приказ. На празднике будут присутствовать как двое сыновей старшего Теренера, так и ненавидящий их кузен, недавно вернувшийся из Приюта Тайного знания. Во время их стычки все трое погибнут, оставив Красные земли без наследников мужского пола. — Он говорил размеренно, не прерывая чтения. — Любвеобильный красный герцог будет вынужден реализовать свою последнюю дочь, ища поддержки в спровоцированном им военном конфликте и борьбе с Пароолом. К тому же ему придется доказывать, что он не пытался вновь напасть на нашу семью, теперь в лице Юории и Вестера. Так что его выбор падет на брата герцога Синих земель, нашего открытого союзника.

— Почему? — спросил Олеар, стыдясь, что не понимает.

— Потому что я не оставил ему выбора, — просто ответил герцог. — Тебе не нужно там быть.

Когда он поднял лучащиеся тьмой глаза от письма, Олеар с благоговением увидел, что герцог улыбается, и немного расслабился. Рядом с Даором Карионом он всегда чувствовал себя мальчишкой на экзамене. И чем дольше наблюдал за его выверенными действиями, тем больше смирялся со своей ролью.

Уже почти сорок лет Олеар с почтением звал черного герцога учителем, впитывая каждую каплю знания, которое ему давалось не всегда легко. Даор не называл Олеара учеником, однако не раз подчеркивал, что ценит его лояльность и рассчитывает на нее в будущем. Герцог оттачивал разум и навыки Олеара — так кузнец превращает металлическую заготовку в лезвие, — и, как бы обманчиво мягок с подручным ни был, тот всегда помнил, что оружие затачивают, чтобы оно послужило в битве. Но пока сражаться не приходилось. Олеар с готовностью выполнял крупные и мелкие поручения, принимал участие в его политических играх, передавал волю черного герцога слугам и в глазах окружавших семью Карион подхалимов занимал то единственное

лакомое место, которое они все хотели получить: место его правой руки.

На самом деле никакой правой рукой герцога Олеар, конечно, не был. Он не знал, чего именно потребует от него Даор однажды, и лишь надеялся, что его жизнь и сила шепчущего не понадобятся господину. А душа... Душа Олеара и так давно принадлежала Даору. С тех самых пор, как черный герцог спас его во время сложного и смертельного ритуала, выкупив у демонов вечного хлада. Олеар тогда только отслужил положенные пятьдесят лет в Приюте Тайного знания и, опьяненный своим новым положением и мечтая о небывалой силе, углубился в одну из запретных областей магического знания. И погиб бы, мня себя великим ритуалистом, если бы не появившийся рядом Даор Карион.

Олеар не знал, как именно черному герцогу удалось справиться с призванными им иномирными чудовищами, но о долге не забывал ни на секунду. Благоговейно вспоминая, как тьма окутала Даора вместе со всеми демонами и как она рассеялась, оставив у алтаря лишь герцога, Олеар уверялся, что не избежит уготованной ему Даором Карионом участи.

Впрочем, не виси над ним меч долга и имей он возможность уйти... Ничего бы не поменялось. Ему нравилось жить в Обсидиановом замке, нравилось становиться сильнее, нравилось быть в курсе происходящего во всех девяти землях. Но больше всего Олеару нравилось, что иногда Даор объяснял ему — ему единственному, возможно, на свете! — мотивы своих решений, таким образом приближая ученика к себе.

За все годы, проведенные в Обсидиановом замке, Олеару так и не удалось увидеть привязанности своего хозяина к любому другому живому существу. Герцог говорил о своей семье, только лишь когда они становились пешками в его играх, и ни разу Олеар не находил в его планах заботы ни об уже покойной троюродной сестре герцога Лите, ни об ее дочери Юории. Возлюбленных у герцога не было, даже само предположение о таком казалось смешным. Любовницы тоже никогда не появлялись в Обсидиановом замке. Однажды

Олеар спросил Даора, почему тот не приводит никого в свои покои, и ответный взгляд был таким красноречивым, что Олеар мигом ошутил себя нашкодлившей и безмозглой собакой и заткнулся, пока не опозорился еще какой-нибудь глупостью.

И все же он решился спросить о женщине, судьба которой была ему самому небезразлична.

— А леди Юория не пострадает?

— Недавно я подарил ей довольно дорогого сторожевого пса, — отозвался герцог. И чуть помедлив, объяснил: — Она вышла замуж за сильного шепчущего, последнего Вертерхарда. Тебе не стоит переживать об этом.

Глава 4

Простая жизнь

Алана

— Мама, я сегодня проходила с Уланом родовые книги, — начала Алана разговор за ужином. — И увидела кое-что странное. Помнишь, ты говорила, что род белых господ прервался двадцать семь лет назад? Что красные вырезали всю их семью, что не осталось наследников. И потом Белые земли сделали нейтральными и разделили.

Вила, крупная темноволосая женщина средних лет, кивнула. Они с Аланой совсем не были похожи: девушка, невысокая, русоволосая, смотрелась рядом со своей приемной матерью бледно и мелко.

— Да, так и было, — ответила Вила.

— Сегодня появилась запись о браке Вестера Вертерхарда и Юории Карион.

Вила застыла.

— Что? Не было никакого Вестера. Я бы знала. Сколько ему лет?

— Не знаю, в родовых книгах не пишут дат. Его линия не соединена с другими именами.

— Значит, он бастард? Только чей...

— А мы не должны... как-то связаться с ним? Не знаю, рассказать ему что-нибудь из того, что тогда случилось? Не должны ли мы теперь ему служить?

Алана опасалась, мать скажет, что им пора писать письма и собираться в дорогу, но Вила покачала головой:

— Нет. Не верю. Я сама, своими глазами видела их всех. Каждого. Всех мертвыми. Не осталось никого. Герцог Даор Карион — величайший артефактолог Империи. Может быть, он нашел способ обмануть книги. Не будем высовываться.

Уже глубокой ночью Алана вертелась, не в силах заснуть. Ей казалось, произошло что-то значительное и это как-то касается ее. Она проваливалась в сон, снова проживая рассказ Вилы об ужасных событиях почти тридцатилетней давности, и опять просыпалась, будто выдернутая призрачной сетью на поверхность. Сердце колотилось в горле и на кончиках пальцев, дыхание никак не успокаивалось.

«Тебе был всего годик, а мне только исполнилось шестнадцать, — шептала Вила дочке, пока Лас, приемный отец Аланы, спал. В глазах Вилы стояли слезы. — Я прислуживала на кухне, помогала матери, как ты помогаешь мне. Но там была совсем другая кухня. У герцогов Вертерхардов был громадный замок, высокие белые стены, острые башни, сотни комнат... Такой красивый! Таких больше нет. Он был как будто из мира Света. Стены переливались перламутром, камень дышал, я любила прислоняться щекой к кладке — и ощущать ответное тепло. Теплые камни, даже ночью, представляешь? О них можно было греться в морозы. Я знаю, они специально так сделали, чтобы никто не мерз. Господ очень любили. Никто и никогда не предал бы их.

Все произошло так быстро. До сих пор не понимаю. Я была в подвале, когда все началось. Камни содрогнулись, будто кто-то из-под земли ударил в фундамент, а потом еще и еще. Но стены

устояли, только вибрировали, как колокол, и этот гул был таким невыносимым, что мы все попадали на землю, закрыли уши руками. А когда звук прекратился, многие остались лежать без сознания. А я выбежала посмотреть, что происходит. И во внутреннем дворе увидела... их. Они лежали на снегу, кровь была у них на лицах, тянулась сразу из глаз, носа, ушей и рта... Такие жуткие красные ручейки. И их дети были мертвы, все до одного, все пятеро. Там же, рядом, прямо посреди клумбы, будто кто-то выложил их аккуратно, по росту. Вокруг никого не обнаружилось. Они не дышали, и к ним было очень страшно подходить. Я побежала в галерею, куда послали убирать лавки мою маму... Она тоже... — Вила рыдала. — И другие слуги, которые убирались там, тоже... И никого. А потом я услышала крик ребенка. Я нашла тебя в снегу, кто-то закопал тебя вместе с люлькой. Твоя мама... Она была очень доброй и хорошей женщиной. Много раз помогала мне. Я боялась, что меня найдут, но не могла тебя там оставить. Никто за нами не гнался: после исчезновения белой семьи до безымянных слуг никому не было дела, но я все равно бежала, не останавливаясь. Черные искали виноватых, они покарали красных. Я думала, черные решат, что и я к чему-то причастна, раз смогла выжить, и заберут меня, а ты погибнешь от голода. Было очень холодно, я останавливалась на ночлег в хлебах, пока не добралась до Желтых земель. Ты представляешь, какие морозы стоят зимой на севере? Я думала, мы замерзнем до смерти. Но этот амулет, — Вила показывала Алане на спрятанный у сердца приемной дочки серебряный змеевидный крест, — он сохранил тебе жизнь».

И родная мать Аланы, и Вила — обе они были служанками Вертерхардов. Верность хозяевам — великая добродетель, служение им до конца — единственный выбор. Так всегда говорила мама. Не значило ли это, что теперь придется покинуть уютные Зеленые земли, приютившие, подарившие кров и новую, единственную жизнь? Алана с трудом представляла, как могла бы она бросить мастера Оливера, его непутевых детей и даже

капризную Флору. И уж тем более, как смогла бы жить без друзей, без меланхоличного, но такого чуткого Вэла, без неунывающей Виары.

«Ни на что не променяю мою жизнь!» — любила она восклицать даже в моменты печали, напоминая себе, что живет счастливо и свободно, в теплой семье, занимаясь любимым делом. Вэл грезил возможностью оказаться среди шепчущих и открыть в себе тайное предназначение, уже замужняя Виара все еще втайне мечтала выйти за именитого и стать частью древней семьи, но Алана просто хотела оставаться на своем месте и продолжать делать то, что делала.

Со смущением она вспоминала, что ребенком, еще до рассказа Вилы о резне в Белом замке, тоже мечтала оказаться именитой, а не Аланой дочерью Ласа. Тогда она считала шепчущих и именитых почти богами, живущими какой-то другой, высокой и неземной жизнью, и по крупицам, как драгоценность, собирала информацию о великих семьях. Маркизы, бароны и особенно герцоги были другими, совсем не как безымянные, даже не как трехсотлетние Голденеры. Они вели свои фамилии тысячелетиями и тщательно оберегали родовые секреты. Истории об их деяниях иногда встречались в описаниях политических ходов, имена мелькали в записях о переходе знатной женщины из одной семьи в другую.

Вила приносила домой книги из деревенской библиотеки при школе, а потом журила дочь за то, что та жжет свечи по ночам.

Деревенские шутили над Аланой, зная о ее любви к чтению: пообещав ей книжку или на худой конец интересную историю, девочку можно было заинтересовать хоть щипанием перьев на подушки, хоть покраской заборов смолой, чем взрослые без смущения пользовались, пока Алане не повезло по-крупному и она впервые не набралась мужества, чтобы проникнуть в библиотеку Голденеров. «Большая книга правдивых сказаний» так захватила ее, что она зазевалась и забыла об осторожности, и мастер Оливер застал уткнувшуюся в старые страницы

девочку прямо в собственном кресле. Но ничего не сказал, только лукаво покачал головой и шикнул как на кошку. Потом Алана не раз замечала, что вечером он оставляет дверь в библиотеку приоткрытой. Это было тайным знаком: Флора, его жена, уже спит, можно не бояться, что она погонит дочку кухарки прочь, и читать хоть до утра.

И Алана пропадала в библиотеке ночами, на что и Лас, и Вила мудро закрывали глаза. Отец обычно посмеивался в усы, будя засыпавшую за взбиванием масла дочку, и говорил, что Алана живет не своей жизнью. Вила же вступалась за Алану, и развивалась настоящая словесная баталия, темой которой становилась чрезмерная любовь ребенка к чтению. «Ты бы перестала бежать, — доказывал Лас. — Тебе что, твоя жизнь не нравится?»

Но отец был не прав: Алане нравилась ее жизнь. Когда ей исполнилось двадцать и пора было ехать на ярмарку невест, Вила спросила у Аланы, какую семью та хочет создать и сколько детей родить. Алане тогда нравился Вэл, но он был влюблен в симпатичную дочку кузнеца, и Алана гордо ответила матери, что пока замуж выходить не хочет, и, приведя в пример обычаи Синих земель, где женщины выбирали свою судьбу самостоятельно и могли никогда не связываться узами брака, и Желтых, где семьи образовывались чаще всего очень поздно, уведомила родителей, что раньше тридцати о замужестве и думать не будет, ни на какую ярмарку не поедет ни сейчас, ни на следующий год. Алана лукавила, не говоря маме всей правды: ей, выросшей на историях возвышенных рыцарей и прекрасных дам, на сказаниях о подвигах и рассуждениях мыслителей, было сложно представить своим мужем кого-то из простых деревенских парней — охочих до выпивки и карт, краснолицых, смешливых, малообразованных добряков. И когда уже и Виара вышла замуж, а Вэл женился и овдовел в течение года, Алана окончательно уверилась, что ей нет места в привычном деревенском матриониальном укладе. Она радовалась, что жила не в самой деревне, а в поместье: здесь ее чуждость привычному не так бросалась в глаза.

«Ты наша желто-синяя, — смеялись Вила и Лас в унисон. — Ну ладно, не заставляй же». Однако женщины из деревни были другого мнения и, когда Алана появлялась на рынке с матерью, всячески намекали обеим, что девушке стоило бы уже задуматься о продолжении рода. «Нечего цвести впустую, с этими книжками твоими, — добродушно говорила жена деревенского старосты. — Вот как ребеночка понюхаешь, так и самой захочется».

Когда мама справлялась с готовкой одна, другие слуги просили Алану посидеть то с одним ребенком, то с другим, на что она легко соглашалась, пусть и без особого удовольствия. Довольно быстро Алана поняла, что детей можно увлечь даже самыми простенькими историями, которых у нее всегда было полно. Алана учила их читать и сажала за книжки, поощряла выдумывание сказок. Мать часто оставляла ее с младшей сестрой Евой, и Алане не сложно было организовать игру не одному ребенку, а, скажем, троим. Дети представляли себя принцессами, знатными воинами и шепчущими, а Алана сидела рядом и занималась своими делами. Со временем она снискала славу безобидной и доброй ученой чудачки, деревенские женщины перестали перемывать ей кости, окончательно уверившись, что своеобразная девушка не хочет искать себе женихов, и перестали сватать ей своих подрастающих отпрысков.

Флора Голденер, нанявшая своим детям няньку из Синих земель, рассуждала, что любовь к знанию прививать нужно правильно, но мастер Оливер, однажды услышав, как терпеливо дочка кухарки рассказывает его сыну о подвигах герцогов во время пятидесятилетней войны, и с удовольствием отметив, что Улан, размахивая палкой как мечом, представляет себя защитником императора, решил предложить Алане реализовать то, что у няньки из Синих земель никак не выходило. Алана была польщена доверием мастера Оливера и очень старалась его не подводить: к концу второй недели Улан уже знал и об устройстве Империи, и о странах континента, мог перечислить по именам всех правящих герцогов и цвета их

земель. Улан выдавал эти знания отцу разрозненно и невпопад, но мастер Оливер видел, что избалованный паренек очень привязался к своей простой учительнице, и всячески подчеркивал ценность того, что делала Алана для его сына.

Да, Алане дочери Ласа нравилась ее жизнь. Мечты об имениных уступили место каждодневной приятной рутине. Теперь, разбираясь в интригах и ходах знатных семей, чтобы после рассказать о них Улану и пробудить в нем интерес к политике, она видела за фамилиями предательства и смерть. Ей было сложно объяснить Улану, что, несмотря на наследный герцогский титул и возможную помощь шепчущих, его жизнь, которая могла бы быть долгой, может и прерваться, если те же красные герцоги решат, например, захватить Зеленые земли, как когда-то они пытались захватить Белые.

Алана молилась Свету о своих хозяевах.

— Да объявился какой-то внук или племянник троюродный вроде как. Молодой, говорят, красивый, шибко важный, наверно, раз ему герцог Даор в жены леди Юорию не пожалел.

Имена Роза произнесла так тихо, как будто боялась, что великий черный герцог обрушится на нее со всем своим многочисленным черным войском, если узнает, что она поминает имя его все на солнечной и оживленной деревенской площади. Алана готова была держать пари, что простые деревенские видят его никак не меньше чем темным прислужником, читающим мысли, раз на гербе его земель расправил крылья ворон, а не канарейка. Тогда как всё говорило об обратном: обладая самой мощной армией в Империи, последние лет двадцать черный герцог приходил в разрушенные войной и склоками земли и наводил в них порядок.

— Алана, пойдём!

Мама была мрачнее тучи.

— Откуда Розе знать о таких вещах? — спросила Алана маму. — Почему все считают, что это их дело?

— Не говори, о чем не знаешь, — оборвала ее Вила, отдавая ей корзинку, от веса которой у Аланы занули колени. — Все нас касается. У именитых все не как у нас, но наш мир полностью зависит от них и их дел. Лучше быть ко всему готовой, Алана. Сегодня многие знатные придут на день рождения мастера Оливера. Красные герцоги Теренеры ожидают тоже, а они никогда раньше не появлялись здесь, плохой это знак. Будет сложный день и очень сложный вечер, родная.

Они ехали в тишине. Вила как-то странно, не моргая, смотрела на проплывающие мимо жаркие от урожая поля. Солнце уже садилось, его теплые лучи золотили ее черные волосы, и закатные сполохи отражались в теплых карих глазах. Потом она опустила взгляд и сгорбилась, будто неприятные воспоминания нахлынули на нее с непреодолимой силой. Алана догадалась, что мать думает о красных, которым ей предстояло прислуживать на пиру, и представила, как руки ее, держащие серебряные блюда, будут дрожать от ненависти и бессильной злобы. Алана положила матери ладонь на плечо, и та подняла голову, будто вынырнула из омота.

— Алана, у меня есть просьба. Пожалуйста, проводи Еву к бабушке, она забыла там позавчера кукол и все время плачет. Если ее плач услышат гости, это может не понравиться мастеру Оливеру и Флоре.

— Деревня далековато, — с сомнением протянула Алана. — Сегодня вернуться не получится, сумерки уже, туда бы пойти. Может, завтра утром? А сегодня помогу тебе с готовкой. Столько народу! Ты одна не справишься.

— Да мы все почти уже приготовили. Отдохни лучше, — настаивала Вила.

Она и представить не могла, что дочь, вопреки ее разрешению ничего не делать, вернется, чтобы хоть одним глазком глянуть на кружащихся в танце красивых герцогов и их изящных леди.

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

